

Судьба грамотея, а также карьера Михалки Сергеева от Ивана Калиты до снятия седьмой печати

Сказочная быль с превращениями и перевоплощениями

Памяти Константина Богатырева

Было или не было, скорее, было, чем не было, потому что кабы не было – откуда бы взялось?

В давние времена было насупротив Кремля через Москва-реку превеликое болото. И по сей день, понеже и усохло вконец, осталось оно достопамятно, и местность эта в его честь Болотной площадью зовется. А в те времена, о коих речь, обитало в том болоте трехголовое чудовище. Впрочем, не ахти какое чудовище, а простой змей, но пре-

Константин Богатырев – русский советский писатель, поэт, переводчик немецкой поэзии. Страстный правдолюбец. Убит в 1976 году.

мерзкий и с тремя головами. И взирал он всеми своими очами, исполненными алчности и злобы, через Москву-реку на Кремль. И прикидывал, как бы ему туда вползти, да не просто так, а чтоб заделаться в той Москве лицом важным и наслаждаться богатством и почетом.

А ведь Москва-то была еще махонькая, и Кремль неказистый, бревенчатый, и, как в песне поется, никто еще на Руси не знал – не ведал, что Москве царством слыти, что Москве государством быти, а вот змей болотный трехголовый за деньгами и почестями стремился именно туда. А все потому, что обладал он необыкновенным талантом – держать жало по ветру – и приобрел этот талант не воровством и не за деньги, а честно получил в наследство от родного дедашки.

Да, приходился наш гад родным внуком тому самому змею, что укусил Вещего Олега. И не по злобе укусил, а из чистого политического расчета. Олег бо Вещий мудростью своей, на взгляд преемников своих, чрезмерно век свой удлинил. Учуял это змеиный дед и решил выслужиться перед неизбежно грядущей новой властью. Но обернулся его расчет просчетом. Изрубили его в куски верные Олеговы дружинники. Зато внучек в наследство получил не только дедов талант, но и опыт поучительный – не жалить князей ни при каких обстоятельствах, а токмо ползать пред ними на брюхе да пол вылизывать.

И поскольку внучек держал по ветру не одно, а целых три жала, то взлелеял он в себе тройную уверенность, что

за бревенчатыми кремлевскими стенами открывается для него перспектива самая что ни на есть грандиозная, и решил во что бы то ни стало туда проползти.

Как и когда осуществил он это – вплавь ли, зимой ли по льду, летом ли по легким мосткам – так и осталось невыясненным. Но оказался он в той Москве, и пришлось ему на первых порах несладко. Не зря же говорят про москвичей, что у них вечно слово с делом расходится. Любят говорить: одна голова хорошо, а две лучше, а как завидят кого двух- или трехголового, так сразу исполняются к нему отвращением.

Вот, к примеру, двухголовый орел. Ну, конечно, птичкой Божьей его никак не назовешь. Но он же сроду не говорил, что он Божья птичка. Да и что вообще мог говорить, когда он не живой, а на картинке нарисованный? Служил тот орел спокон веку византийским гербом. Но вот в один прекрасный день остались от той Византии только пух да перья, да еще одна принцесса-бесприданница. Замуж ее, понятно, никто в целом мире брать не хотел. Но москвичи – они и есть москвичи. Во всех своих бедах всегда иностранцев винят, а при этом нет для них ничего милее, чем на иностранцах жениться. Вот и оказалась эта бесприданная принцесса женой московского князя, а картинку с орлом с собой прихватила, чтобы было что предъявить. Так москвичи только на него взглянули – давай креститься и плевать. Князь его от греха подальше в чулане запер. И выпустили его лишь тогда, когда столица от москвичей

к петербуржцам перешла. Но когда москвичи вновь к себе столицу перевели, то уж так отделали беднягу двухголового своим серпом и молотом! Хорошо еще, что был он не живой, а на картинке нарисованный.

Понятное дело, что живого змея, да еще трехголового, встретили москвичи хуже некуда: крестятся, да плюются, да еще камнем швырнуть норовят. А он все ползает и ползает, глазам и ушам своим не верит, а верит только глубинному чутью своему, дару бесценному, от деда унаследованному. Наконец догадался он втянуть поглубже лишние головы – получилась вроде бы одноголовая змея, ну, то ли горло у нее распухло, то ли подавилась чем-то – кто эту мерзость рассматривать станет. Но все же москвичи к нему заметно подобрили, они вообще к мерзости снисходительны, а вскоре на него прямо-таки благодать снизошла, и не в чем-то там лице, а в лице самого князьего повара.

Вышел повар как-то раз на задний двор, где скотину режут да разделявают, и видит – ползает по земле какая-то тварь и всю пролитую кровь до капельки слизывает. Повар поначалу глаза вытаращил, а потом быстренько смекнул, что ему от незваного гостя прямая выгода. И остался тот змей при княжей кухне к обоюдному их с поваром удовольствию.

Конечно, не обошлось без нареканий. Но сумел повар к нарекателям своим должный подход найти:

– Негоже, братие, – рек повар, – едину мерзость видеть там, где явная полезность усматривается. Зане полезность

с необходимостью сопрягается, а из необходимости закономерность проистекает.

Знал, подлец, с кем дело имеет. Москвичи что угодно глотать станут, если это «что угодно» будет научно обосновано.

Вот, стало быть, живет змей на княжеской скотобойне, в довольстве купается, кровью допьяна упивается, научное обоснование имеет, а все не то. Другого ему хотелось, когда в Москву эту полз. А тут еще отыскался на него лютый супротивник.

Был он грамотей из грамотеев, и мог бы жить себе припеваючи, грамотейством своим похваляясь, – так нет, скучно ему это казалось. Зато не скучно было ему совать всюду свой нос и выискивать, где правда, а где неправда. И усумнился он в необходимости и закономерности ползучего гада на княжеском дворе и не побрезговал очи свои к самой змеиной морде приблизить. Приблизил – да и отпрянул с воплем великим, ибо глянули на него не одна, а целых три пары змеиных глаз.

Понял змей, что он разоблачен. Все и вся простят на Москве, а трехголовость – ни в какую. И выиграла в нем ненависть, какую только может испытать трехголовый змей к московскому грамотею-правдолюбцу. Выпустил он все три своих смертоносных жала, и пал грамотей бездыханным. А змей пополз восвояси, в болото свое родимое, не дожидаясь, пока добрые христиане хватятся и учинят над ним расправу.

Ну вот, значит, ползет гадюка в свое болото, повар над грамотеевым телом вопит: «Прости нас! Прости нас!» (это у москвичей такой обычай, говорить «нас» вместо «меня» в подобных случаях), а душа грамотея тем временем во ад погружается. И нечего тому удивляться. Человек, конечно, был хороший, против этого не поспоришь, но человек человеком, а грехи грехами. Женскому полу уважение оказывал больше, чем оный пол того заслуживает – уже грех. А еще хуже обстояло у него дело с постами. Как пост – такой на него аппетит нападает, хоть караул кричи. Его бранят: опомнись, мол, о душе, своей помысли. А он отвечает, на то и грамотей:

– Главное ближнему вреда не причинять. А с самим собой, что хочу, то и делаю!

Вот она, грамотность, до чего доводит! Ну еще мелких грешков, смотришь, тоже кучка набралась – человеческая жизнь сплошное искушение, а там у них все по-честному. Потом еще свой процент с первородного греха получил. Одним словом, суммировали все это и начислили ему, голубчику, две тысячи восемьсот четырнадцать лет. Кому-нибудь многовато покажется, но по сравнению с вечностью это все равно, что на пятнадцать суток сесть.

Ну да черт с ним, с грамотеем, пушай он пока в аду привыкает, а мы займемся болотным нашим гадом.

Лежит он в своей норе, в том самом месте, где сейчас в Болотную улицу Фадеевский переулок упирается, в себя приходит после поражения и размышляет. Долго так раз-

мышлял и пришел к выводу, что в том виде, в каком он есть – что с тремя головами, что с одной, – в Москве ему делать нечего. Хочешь – не хочешь, надо человеческое обличье принимать. Потом еще поразмышлял и понял, что в одиночку он с поставленной задачей не справится. И пополз он к ведьме, к самой в наших краях знаменитой и потому самой дорогостоящей.

Она как его увидела, ужасно обрадовалась. Очень ей чешуя нужна была змеиная для колдовских снадобий. Змей покорно подставил спину и через какое-то время она у него стала, как шелковая.

– Это ведь только за вход, – думал змей, содрогаясь, – сколько же она за самую помощь возьмет!

– Ничего я с тебя не возьму, – отвечала ведьма на его мысли, аккуратно укладывая чешую ножичком в специальный горшочек. – Не получится у нас сейчас ничего. Надо тебе сначала крови допьяна напиться, так чтоб из ноздрей потекла, а потом уже решим, что делать, и о цене договоримся.

– Да я уж столько крови выпил, – заныл змей.

– Не той, – покачала головой ведьма. – Тут человекья кровь нужна. А сейчас из тебя разве что собака получится.

Стал он ее изо всех сил упрашивать, уж больно ему не терпелось обратно в Москву. Ну и сдалась ведьма, попробовали они. И что же получилось? Конечно же, собака и, тьфу ты пропасть, опять трехголовая. А он уже к этому делу привычный: втянул две головы, получилась собака с бычьей

шеей, премерзкая, надо сказать, да ему некогда было себя в зеркале разглядывать – в Москву со всех ног помчался.

А в Москве что творится? Что ни год, новая власть наступает: то Василий княжит, то дядюшка его Юрий, то Косой, то Шемяка, потом опять Василий – и все по новой. Золотое времечко для змеиной души, но только если она в человеческом теле. Ведь как он старался, премерзкий тот пес: перед каждой властью на брюхе ползал, хвостом вилял, сапоги лизал – все без толку. А уж когда начали князя глаза друг другу выкалывать, на него и вовсе смотреть стало некому. И тут во второй раз полный облом приключился.

Один москвич напился пьяным и залез на колокольню. Москвичи и трезвые нередко ввысь воспаряют, а уж про пьяных и говорить нечего. Ну вот, залез он на колокольню и хочет дальше лезть. Само собой, на землю сверзнулся. Говорят, жив остался, но крови из него вытекла целая лужа. Все к нему бросились, охают, ахают, смекают, как бы его поднять да унести, не рассыпавши. А пес тот притаился и ждет, пока все уйдут, а как ушли, кинулся ту кровь лакать. И до того она ему по вкусу пришлось, что потаенные головы не утерпели, высунулись – и туда же.

И тут услышал он за собой крик:

– Смотрите, трехголовый пес!

Поворотились головы и видят: движутся к тому месту целой гурьбой – кто бы вы думали? – самые, что ни на есть, грамотеи, человек десять. Как вскочил трехголовый пес, да как помчался на свое болото, аж пыль столбом под-

нялась. Ну а грамотеи московские – народ нерасторопный, пока искали, чем бы в него запустить, его и след простыл.

Лежит чудище трехголовое в своей норе и все сотрясается. Досадует, что его второй поход московский столь бесславно завершился. Но еще больше распирает его от ненависти к тем самым грамотеям.

– Ну погодите, – шипел гад. – Пробьет мой час. Напьюсь я на Москве кровушки. И не чьей-нибудь, а вашей, грамотейской. Отсижусь, перетерплю, а свое все равно возьму.

Шипел-шипел, сидел-отсиживался, и в один распрекрасный день опять в Москву отправился. Не обмануло его на этот раз чутье – врожденный дар бесценный. Оно и раньше его не так уж и обманывало, место-то он учуял правильно, да вот со временем поторопился. А теперь и время пришло, что надо. Не ему одному, многим это время запомнилось, потому и название научное получило – опричина. Кровь лилась не ручьями, а реками. Множество гадов той кровью допьяна упилось и большими людьми вследствие этого соделалось.

Приползает опять трехголовый змей замоскворецкий к той самой ведьме. Весь раздулся от крови, говорит, чавкая:

– Выполнил я твое условие. Давай теперь о цене поговорим.

Она ему и отвечает без дураков:

– Стакан жемчуга отборного из сиротских слез.

Змей аж по земле покатился:

– Да где я его возьму?

– Возьмешь, где все берут, – отрезала ведьма. – Не прикидывайся. Ты зачем в люди лезешь? Чтобы хлеб насущный в поте лица добывать?

Змей жалобно заскулил.

– Нет. Богатством и почестями наслаждаться хочешь. – Все три головы согласно закивали. – А богатство и почести всегда чужой кровью и слезами покупаются. И уж если исконным человекам без этого не обойтись, то тебе и по-давно... – тут она произнесла слово, какого змей отродясь не слыхивал, и к нему прибавила «...болотный».

Змей подумал немножко, вспомнил, как в прошлый раз переспорил ее и что из этого вышло, и решил покориться.

И пополз змей по всей земной шири, и увидел, что его задача еще труднее, чем думалось ему поначалу. Льются слезы людские день-деньской, а еще пуще – ночью, в жемчуг сворачиваются, да ловцов и искателей того жемчуга – видимо-невидимо. И хотя каждый первый на земле – сирота, все же отборный жемчуг только из самых чистых, из детских слез получается. Ну кто же к таким сокровищам дрянь болотную подпустит, чтоб хуже не сказать?

Ползал-ползал змей, аж брюхо задубело, чешуя потускнела да повылазила, а набралась у него только горстка мелочи, да такой невзрачной. Зашвырнул он ее в болото, забился в

свою нору, лежит, думает. Столько сил и времени потратил, а ни с чем остался. И только дар бесценный наследственный при нем. И говорит он с ним изнутри, и подсказывает, что не все еще потеряно, и надобно потерпеть и выждать, и пробьет его час, и пробьет с таким громом, что у всех от мала до велика звон в ушах стоять будет до самого Судного дня.

И вот однажды вечером приползает он к ведьме, ничего с собой не имея, окромя заманчивого предложения. А она уж и ждать его забыла – и без него работы по горло.

Говорит ей змей, и сильно так, с убеждением:

– Хочу заключить с тобой договор сроком на тридцать шесть лет и шесть месяцев. По тридцать седьмому году обязуюсь доставить тебе вместо одного – два стакана жемчуга отборного из чистых детских слез. От тебя же прошу, чтоб поверила мне в долг и помогла получить нужное обличье незамедлительно.

Ведьма ахнула – и согласилась.

Стала она колдовать. И произошли тут громы и молнии великие (а дело было в феврале), и земля страшно затряслась, так что в Петербурге двухголовые орлы со стен сорвались и царь с трона свалился, а Москва опять столицей сделалась.

А на месте змея поганого явился добрый молодец Михалка свет Сергеев, красивый, стройный, статный – и на тебе! – опять с тремя головами. Ведьма аж руками всплеснула.

А он ни чуточки не растерялся, потому что знал, что коли его время пришло, то ничто ему уже помешать не

сможет. И тут как раз мода подросла на пиджаки с большими ватными плечами. Надел он пиджак, упихал под него боковые головы поменьше, а среднюю, большую и красивую, гордо поднял и помчался в Москву, прямо в Кремль. И там ему товарищ Сталин крепко руку жал, а товарищ Ежов, привстав на цыпочки, по голове гладил и в плечики целовал.

А грамотей, во дни Ивана Калиты ползучим гадом укушенный, пребывал тем временем в аду, грехи свои выжигал, чтоб ему, значит, в вечную жизнь чистым, как стеклышко, идти. Полезное, конечно, это дело, но невыносимое. Криком кричит грамотей:

– Осознал все, осознал! На девок теперь вовсе смотреть не стану, даже на самых уродливых.

А пуще всего сокрушался насчет постов и прочего самовольства. Инструктор ему очень толковый попался. Уж так складно разъяснил, что наносящий урон своей душе великий грех совершает, поелику душа его не личной собственностью является, а частью мировой души. Как услышал про это грамотей, пришел в полный ужас. Ведь настоящий правдолюбец чем от ненастоящего отличается? Тем, что он свое правдолюбие к самому себе применяет. Как он завопит на весь ад:

– Подлец я, подлец! Мало еще мне, подлецу, дали! На десять тысяч лет надо было в самое пекло закатать!

Он же не в пекле пребывал, а в области высоких температур.